
В. Г. АНАНЬЕВ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИСКУССТВ И ПРОБЛЕМА ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в. (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Изучение образовательных стратегий и практик применительно к гуманитарному полю отечественного знания является одним из актуальных направлений исторических исследований, все еще характеризующихся наличием значительного количества белых пятен. Как справедливо отмечает Л. А. Сыченкова: «В богатейшем наследии российских искусствоведов XX в. остаются практически неосмысленными смелые эксперименты в области искусствоведческого образования, предвосхитившие новейшие подходы в системе современной высшей школы. Опыт этих экспериментов интересен в наше время не только как факт истории искусствоведческого образования, но и как источник конструктивных идей для развития современной подготовки гуманитариев разного профиля, прежде всего культурологов, музеологов и искусствоведов»¹. В цитируемой работе автор характеризует собственно искусствоведческое направление в педагогической деятельности ученых (В. П. Зубова, Ф. И. Шмита и И. И. Иоффе), связанных с одним из центров интеллектуальной жизни Петрограда — Ленинграда конца 1910–1920-х гг., Институтом истории искусств (далее — Институт).

Вместе с тем с самого начала Институт являлся центром не только искусствоведческого образования, но и шире — эстетического воспитания как такового, развитие которого рассматривалось на рубеже XIX–XX вв. в качестве одного из важнейших направлений гуманитарной деятельности. В данной работе, опираясь на архивные материалы Ин-

¹ *Сыченкова Л. А.* Первые эксперименты в сфере искусствоведческого образования: Незаполненный пробел в истории науки об искусстве // Учен. зап. Казанского ун-та. Серия : Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, кн. 3. С. 223–231.

ститута, часть которых прежде не привлекала внимания исследователей и не была введена в научный оборот, мы постараемся проследить, как именно проходило развитие этого направления деятельности Института.

Сама деятельность Института фактически началась именно с чтения лекций. Свидетельство об открытии курсов за № 36527 было выдано В. П. Зубову Петербургским учебным округом 3 декабря 1912 г. Сам граф был допущен «к временному исполнению обязанностей директора означенного института»². 28 августа 1916 г. Зубову от министра народного просвещения, «для приведения в действие», был отправлен утвержденный Устав «Института истории искусств». Копия устава направлялась и временно управляющему Петроградским учебным округом³.

Институт определялся как «высшее частное специальное учебное заведение для лиц обоего пола». Цель его заключалась в том, чтобы «содействовать изучению искусства, как отечественного, так и иностранного, а также способствовать научному общению в этой области». В Институте «читаются систематические курсы и ведутся практические занятия по истории искусств, археологии и сопредельным с ними наукам и устраиваются курсы для преподавателей и преподавательниц средних и высших начальных учебных заведений, для подготовки их к художественно-историческим экскурсиям и к разбору памятников искусства в классе»⁴. Таким образом, уже в этом утвержденном министром уставе в качестве одной из форм работы института указывалось устройство специализированных курсов для преподавателей.

В специальной записке министру народного просвещения от Совета Института (за подписями директора В. П. Зубова и ученого секретаря В. Н. Ракинга), датированной 10 ноября 1916 г.⁵, этот последний факт уже оговаривался особо. Совет отмечал, что после утверждения устава Института как высшего учебного заведения изменились его цели, «выросшие из требований создать подготовленный педагогический персонал, которому могло бы быть поручено ознакомление учеников высших начальных училищ и средних учебных заведений с памятниками искусства (классные беседы с проекциями, экскурсии, осмотр с учениками важнейших архитектурных памятников, музеев и т. д.)». В этой связи Институт в 1916/17 учебном году планирует специальные курсы для преподавателей «с практическими занятиями по разбору памятников,

² ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 2 (Материалы о преобразовании Института искусств в высшее учебное заведение). Л. 11.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 12–15 об.

художественно-эстетическими экскурсиями и методологическими осмотрами художественных собраний»⁶.

Такое направление работы уже было подготовлено предшествующей деятельностью Института. Летом 1916 г. при нем начала действовать особая Комиссия по вопросам эстетического воспитания в средней школе, в состав которой помимо директора и ученого секретаря входили также А. А. Брок, О. Ф. Вальдгауер, В. Я. Курбатов, А. Н. Бенуа, И. Э. Грабарь и директора ряда крупных гимназий и реальных училищ Санкт-Петербурга⁷. Первое заседание Комиссии состоялось 16 июня 1916 г. На нем собравшиеся слушали вопросы об издании пособий и руководств по эстетическому образованию в средней школе, а также о составлении диапозитивных коллекций⁸. Уже на третьем собрании, 14 декабря, участники высказались «за придание ей характера постоянной комиссии, в которую учебное начальство и преподаватели средних учебных заведений могли бы обращаться за справками и указаниями, касающимися вопросов эстетического воспитания в средней школе»⁹. Спектр вопросов, намеченных к обсуждению, был достаточно широк: например, говоря об украшении школьных помещений оригинальными цветными литографиями и ксилографиями, А. Н. Бенуа и В. П. Зубов составили список художников, которых можно привлечь к этой работе¹⁰. Планировалось составление списка памятников Санкт-Петербурга, с которых надо делать фотографии для изготовления школьных диапозитивов¹¹. Знаток истории города, один из основоположников научного петербурговедения В. Я. Курбатов предложил в ряде случаев использовать снимки, хранящиеся в Музее Старого Петербурга¹². Было составлено несколько таких списков (памятников древности, западноевропейского и русского искусства), которые учитывали и уже применявшийся в петербургских гимназиях опыт (список памятников

⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 2 (Материалы о преобразовании Института искусств в высшее учебное заведение). Л. 14.

⁷ Там же. Д. 4 (Материалы работы Комиссии по вопросам эстетического воспитания в средней школе). Л. 1–2.

⁸ Там же. Л. 4–5.

⁹ Там же. Л. 9.

¹⁰ Там же. См. также запись в дневнике А. Н. Бенуа за 18 октября 1916 г.: «Заходил Валечка Зубов (граф Валентин Платонович), тоже с каким-то проектом издания картин для школ». См.: *Бенуа А. Н. Дневник 1916–1918 годов*. М.: Захаров, 2006. С. 21.

¹¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 4. Л. 9 об.

¹² Там же. Л. 10.

инспектора гимназии Александра II в Петергофе М. М. Измайлова)¹³. Задача формирования особой эстетической среды для образовательного процесса была одной из самых актуальных в Европе этого времени: под влиянием идей одного из создателей музейной педагогики, реформатора художественного образования А. Лихтварка в Германии, например, было проведено несколько тематических выставок, в том числе посвященных образцовому оформлению классных комнат, и создано Всенемецкое движение за художественное образование, проводившее встречи художников и педагогов, ратовавшее за реформирование системы преподавания искусства¹⁴. Как видим, в данном вопросе, равно как и в вопросе собственно академического изучения искусства на формальной основе, Институт развивал передовые европейские тенденции.

Собственно подготовка педагогов началась здесь чуть позже, но и она, конечно же, также отражала пристальный интерес Института к проблеме эстетического воспитания. 14 февраля 1917 г. Институт направил в Департамент народного просвещения письмо, в котором извещал, что, «идя навстречу назревшей потребности в подготовке преподавателей высших начальных училищ и средних учебных заведений в ознакомлении учеников с памятниками искусства», готов до того, как будут созданы специальные курсы для таких преподавателей, обеспечить им право бесплатного посещения лекций, читаемых в этом году в Институте, а также пользования его вспомогательными подразделениями (библиотекой и диатекой)¹⁵. Сама идея проведения специализированных курсов не была забыта, но по условиям революционного времени реализовать ее сразу не удалось. Вместе с тем и в 1917 г. проблема эстетического воспитания присутствовала в начинаниях Института.

В марте 1917 г. в помещении Института было проведено совещание деятелей искусства и науки по вопросу об организации Ведомства искусств. По его итогам была составлена комиссия для мотивировки принятой на совещании резолюции и разработки вопросов, относящихся к организации самостоятельного Ведомства изящных искусств.

Ее первое заседание состоялось 10 марта 1917 г. По предложению В. Н. Ракинта собравшиеся решили не ограничиваться мотивировкой, но подготовить и проект временной организации ведомства, «осуше-

¹³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 4. Л. 11–12 об., 18–21, 22–25, 26–28 об.

¹⁴ *Fishman S. Alfred Lichtwark and the Founding of the German Art Education Movement // History of Education Quarterly. 1966. Vol. 6, nr 4. P. 3–17.*

¹⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 5 (Расписание лекций на 1917–1918 учебный год). Л. 5–5 об.

ствимой еще в условиях переходного времени». Решено было вести работу по семи подкомиссиям, одна из которых была посвящена художественно-историческому образованию. В ее состав были избраны видные искусствоведы Д. В. Айналов, В. А. Головань, В. П. Зубов, Н. П. Кондаков, В. Н. Ракинт, Д. А. Шмидт¹⁶. Практически все они имели и опыт преподавательской деятельности, в том числе в стенах самого Института.

На втором заседании комиссии 21 марта в ее состав были кооптированы новые члены, среди которых известный антиковед Ф. Ф. Зелинский, ставший председателем подкомиссии по художественному образованию. В ее состав вошли также С. А. Жебелев и А. А. Брок¹⁷, а вскоре кооптированы были академики М. И. Ростовцев, Н. Я. Марр и В. В. Бартольд¹⁸.

Судя по сохранившимся материалам, подкомиссия рассматривала вопрос многопланово: например, С. А. Жебелев подготовил записку о постановке кафедр истории искусств в университетах (датирована 7 мая 1917 г.)¹⁹, а О. Ф. Вальдгауер о желательной постановке преподавания археологии в русских университетах²⁰. Доклад о преподавании истории искусства в высших технических учебных заведениях представил В. Я. Курбатов (химик по образованию)²¹. Обсуждались вопросы, связанные с такой новой для рубежа веков формой организации научной и образовательной деятельности, как культурно-исторические институты: О. Ф. Вальдгауер говорил об археологических институтах, Н. Л. Окунев о Русском археологическом институте в Константинополе, обсуждался проект Кавказского историко-археологического института, В. Н. Ракинт сделал доклад о художественно-исторических институтах вообще, а в дополнении к нему В. П. Зубов сделал сообщение о проекте Русского института в Риме²². 27 марта 1917 г. был заслушан доклад А. А. Брока, посвященный в целом важности художественного воспитания народа, роли школы в этом процессе²³. Автор отмечал, что

¹⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 5 (Расписание лекций на 1917–1918 учебный год); Д. 7 (Переписка по вопросам охраны и изучения памятников старины и созданию Министерства изящных искусств). Л. 105–106.

¹⁷ Там же. Д. 7. Л. 107.

¹⁸ Там же. Д. 8 (Доклады деятелей искусств об организации музейного дела, охраны памятников и художественного образования. Ч. 1 (27 марта 1917 – 7 мая 1917)). Л. 61.

¹⁹ Там же. Л. 15–15а об.

²⁰ Там же. Л. 16–16 об.

²¹ Там же. Л. 22–31.

²² Там же. Л. 61.

²³ Там же. Л. 45–50.

«для завершения дела рекомендуются экскурсии к памятникам и в музее для обозрения тех произведений искусства, которые были рассмотрены на уроках»²⁴. Заседания подкомиссии продолжались, вероятно, до 11 мая 1917 г.²⁵

Накопленный методический опыт, теоретические разработки в области эстетического воспитания, полученные в ходе обсуждения докладов, удалось реализовать уже в следующем 1918 г., когда Институтом наконец-то был воплощен проект проведения курсов для учителей. В опубликованном в 1924 г. «Очерке истории института» об этом было написано так: «С весной следующего 1918 г. связано для лиц, близких к Институту, одно из самых их отрадных воспоминаний»²⁶. Причем подчеркивалось, что «опыт этот оказался чрезвычайно удачным: он дал высококвалифицированную, чуткую и внимательную аудиторию; из этой же аудитории каникулярных курсов вышел не один десяток лучших студентов Института и впоследствии научных сотрудников как Института, так и других родственных ему по задачам учреждений»²⁷.

Трехнедельные каникулярные курсы для преподавателей и преподавательниц средних и высших начальных учебных заведений в целях подготовки их к разбору памятников искусства в классе и к художественно-историческим экскурсиям с учениками проводились Институтом с понедельника 7 (20) мая по воскресенье 27 мая (9 июня) 1918 г.²⁸

Дисциплины по истории искусства читали М. И. Ростовцев, О. Ф. Вальдгауер, В. П. Зубов, Н. П. Сычев, В. Я. Курбатов, И. И. Жарновский, по методологии (о принципах художественного воспитания, введение в изучение искусства) А. А. Брок, В. А. Головань. Занятия Вальдгауера по темам «Античные скульптуры Эрмитажа» и «Античные вазы Эрмитажа» должны были проводиться в самом музее, по теме «Музей слепков Академии художеств» — в Академии. Лекции Сычева «Основы древнерусской живописи допетровской эпохи» сопровождались демонстрациями в Древлехранилище Русского музея. По курсу Курбатова «Ознакомление с памятниками русского искусства императорского периода» предполагался осмотр дворцов, церковей и других художественных памятников Санкт-Петербурга. Из-за закры-

²⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 8 (Доклады деятелей искусств об организации музейного дела, охраны памятников и художественного образования. Ч. 1 (27 марта 1917 – 7 мая 1917)). Л. 60.

²⁵ Там же. Л. 16–16 об.

²⁶ Краткий отчет о деятельности Российского Института Истории Искусств // Задачи и методы изучения искусств. СПб. : РИИИ, 2012. С. 192.

²⁷ Там же.

²⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 27 (Программа каникулярных курсов). Л. 3.

тия Картинной галереи Эрмитажа занятия Жарновского на тему «Картины Эрмитажа» пришлось проводить по диапозитивам и фотографиям в аудиториях Института²⁹.

Кроме того, для слушателей предполагались художественно-исторические экскурсии в Гатчину, Царское Село, Павловск и Петергоф. Лекции проходили по вечерам, осмотр музеев, дворцов и церквей осуществлялся в дневные часы, экскурсии — в праздничные дни. Плата с каждого участника составляла 40 руб. Председателем комиссии по устройству курсов был М. И. Ростовцев, секретарем — О. Ф. Вальдгауер³⁰.

Курсы вызвали большой интерес у педагогов. Плату внесли 110 человек, еще двое были записаны бесплатно³¹. Проведению курсов предшествовала серьезная подготовительная работа. В начале мая 100 экземпляров программы курсов должны были быть распределены среди участников Учительского съезда³². Начались переговоры с музеями о возможности проведения занятий на их территории. Непосредственный контакт обучающихся с подлинными предметами, визуализация изучаемого материала были важными и прогрессивными для своего времени чертами преподавательской стратегии. Во многом они совпадали с активно формирующейся в данный период парадигмой музейно-педагогической деятельности. Переговоры с музеями проходили по-разному.

24 апреля 1918 г. Институтом было направлено письмо в совет Художественного отдела Русского музея с просьбой о посещении Древлехранилища «каждый раз под руководством преподавателя Института Н. П. Сычева»³³. Ответ за подписью заведующего Художественным отделом П. И. Нерадовского был получен 13 мая 1918 г. В нем сообщалось, что «со стороны Художественного совета Русского музея не встречается препятствий к посещению и осмотру»³⁴. Сложнее оказалось договориться с Эрмитажем. На просьбу Института разрешить участникам курсов «посещение и осмотр» Музея древней скульптуры и коллекции античных ваз «каждый раз под руководством Профессора Института О. Ф. Вальдгауера»³⁵, подписанную председателем комиссии по проведению курсов академиком Ростовцевым и и. о. директора Ракинтом, Совет Эрмитажа 27 апреля 1918 г. ответил отказом³⁶.

²⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 27 (Программа каникулярных курсов). Л. 3 об.

³⁰ Там же. Л. 4.

³¹ Там же. Д. 26 (Материалы по устройству каникулярных курсов). Л. 8–27.

³² Там же. Л. 6.

³³ Там же. Л. 4.

³⁴ Там же. Л. 7.

³⁵ Там же. Л. 3.

³⁶ Там же. Л. 5.

Судя по материалам самого Совета Эрмитажа, просьба Института вызвала у сотрудников музея почти панику. На заседании Совета хранителей Эрмитажа, состоявшемся 25 апреля 1918 г., ходатайство «Института истории искусств графа Зубова» было отклонено всеми голосами против двух (вероятно, самого О. Ф. Вальдгауера и Д. А. Шмидта, активно сотрудничавших с Институтом), «ввиду опасения, что и другие организации потребуют такого же допущения в Эрмитаж, а охрана его в данное время недостаточна»³⁷. Определенную пикантность ситуации придавало не только то, что лекторами на курсах выступали эрмитажные сотрудники, но и то, что в это самое время сам основатель Института, граф В. П. Зубов, находился в Москве, где осуществлял проверку сохранности эвакуированных туда эрмитажных предметов. Его доклад по этому вопросу был заслушан Советом сразу же после сообщения о ходатайстве курсов³⁸.

Вопрос, однако, не был закрыт окончательно. В новых условиях дела велись иначе. И 5 июня Совет был вынужден вернуться к этому вопросу вновь. Выяснилось, что группа слушателей курсов обратилась с ходатайством о допуске их в музей к представителям новой власти, и 4 июня уполномоченный комиссар Комиссариата имуществ Республики И. В. Киммель потребовал от Совета это требование удовлетворить. Вальдгауер заявил, что узнал о ходатайстве уже после того, как оно было возбуждено. В любом случае 4 июня и комиссар Эрмитажа и Зимнего дворца Г. С. Ятманов в телефонном разговоре с хранителем Отделения классической нумизматики Эрмитажа Е. М. Придиком «в самой категорической форме заявил требование о допуске означенной экскурсии и всех таких же»³⁹. Встал вопрос о том, как поступить. Старший хранитель Отделения Средних веков и эпохи Возрождения Я. И. Смирнов предложил три возможных варианта решения вопроса, которые столь точно отражают дух времени, *genius loci* Эрмитажа и личность самого академика, что следует привести их полностью: «1) Закрыть двери и не пускать экскурсантов, не считаясь с требованиями комиссара Киммеля. 2) Беспрекословно подчиниться требованию и 3) Допустить экскурсантов, но объяснить им, что это делается вопреки постановлению Эрмитажа, и тем дать возможность тем из них, которые не пожелают идти против мнения научной коллегии Эрмитажа, отказаться от посещения»⁴⁰. В итоге Совет решил уступить требованию

³⁷ Журналы заседаний Совета Эрмитажа. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. Ч. 1 : 1917–1919 годы. С. 40.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 56.

⁴⁰ Там же. С. 57.

комиссара, и допустить экскурсантов к осмотру Отделения скульптур 7 и 8 июня с 10 до 12 часов дня, «вызвав на эти дни достаточное число служителей», но о случившемся доложить на ближайшем заседании Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины⁴¹. Однако уже на следующий день О. Ф. Вальдгауером был подан рапорт о том, что «слушатели курсов при сложившихся обстоятельствах не считают для себя возможным посещение Эрмитажа»⁴². Инцидент был исчерпан, однако сложные отношения с Эрмитажем сохранялись у Института и впоследствии.

Помимо посещения петроградских музеев, как отмечалось выше, планировались и экскурсии в недавно музеефицированные пригородные дворцы. Их проведение также было сопряжено с рядом трудностей. Уполномоченному комиссару имуществ республики, например, было направлено письмо с просьбой обеспечить беспрепятственный осмотр Большого и Александровского дворцов в Царском Селе (11 июня), Петергофского (2 июня) и Гатчинского (9 июня) дворцов слушателями курсов под руководством Курбатова⁴³. Аналогичные письма были отосланы в Художественный совет Гатчинского художественно-исторического музея⁴⁴, коменданту Царскосельского дворца⁴⁵ и в Художественную комиссию по приемке имущества Царскосельских дворцов. Организаторы курсов хотели обеспечить посещение Большого дворца, Царскосельского Эрмитажа и тех помещений Александровского дворца, «которые будет признано возможным показать экскурсантам»⁴⁶. Новая власть в данном вопросе оказалась более расположенной к сотрудничеству, чем сотрудники Эрмитажа, и 31 мая 1918 г. Институт получил письмо от комиссара Киммеля с уведомлением о том, что им «сделано распоряжение об оказании всяческого содействия»⁴⁷.

Курсы состоялись и были признаны вполне успешными. 20 июля 1918 г. газета «Петроградский учитель» писала, что «слушатели покинули Институт окрыленные, встряхнувшиеся, запасшиеся энергией для ожидающей в новом учебном году работы». Более того, слушателями курсов было организовано Художественно-педагогиче-

⁴¹ Журналы заседаний Совета Эрмитажа. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. Ч. 1 : 1917–1919 годы. С. 56.

⁴² Там же. С. 58.

⁴³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 26. Л. 28–28 об.

⁴⁴ Там же. Л. 29.

⁴⁵ Там же. Л. 31.

⁴⁶ Там же. Л. 30–30 об.

⁴⁷ Там же. Л. 32.

ское общество, взявшее на себя разработку вопросов, поставленных курсами⁴⁸.

Вскоре началось планирование осенних каникулярных курсов для преподавателей, так как «далеко не все желавшие могли попасть на первую весеннюю сессию каникулярных курсов»⁴⁹. С 5 по 16 сентября на них записалось уже 70 человек⁵⁰. Для оборудования второй аудитории для осенней сессии каникулярных курсов от Совета Петроградского Учительского союза Институт получил 29 августа заимообразно 1500 руб., обязуясь вернуть эти деньги до конца октября того же года⁵¹. 5 сентября было получено еще 2000 руб. на тех же условиях⁵². 120 руб. было уплачено типографии Авидона за печатание программ⁵³. Курсы проводились с 7 по 30 сентября. В программе, среди прочего, значились следующие занятия: Вальдгауер — Музей древней скульптуры Павловского дворца (одна лекция); Жарновский — картины Эрмитажа (восемь лекций); Зубов — Павловск и Гатчина (каждый курс по три лекции) и др.⁵⁴ Для слушателей курсов в помещении Института была устроена выставка цветных репродукций (нидерландской, немецкой, итальянской школ) живописи, на которой давались объяснения⁵⁵.

Проведение курсов было трудным не только с точки зрения организационной, но и с точки зрения финансовой. В дополнении к смете на 1918 г. значатся расходы на проведение «художественно-исторических экскурсий» для слушателей (3000 руб.), организацию бесплатных каникулярных курсов для преподавателей средних и высших учебных заведений (5400 руб.), а также затраты по устройству популярных чтений по искусству для широких народных масс (7500 руб.)⁵⁶. Институт, существовавший прежде в значительной степени на средства своего основателя, графа В. П. Зубова, в новых постреволюционных условиях хозяйственной разрухи и Гражданской войны должен был не только вести постоянную борьбу за изыскание средств, но и отбивать атаки новой власти, методично стремившейся сократить штаты и урезать

⁴⁸ А. В. Нечаянная радость // Петроградский учитель. 1918. 20 июля. № 17–18. С. 7–8.

⁴⁹ Краткий отчет о деятельности Российского Института Истории Искусств. С. 192.

⁵⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 26. Л. 43–48а.

⁵¹ Там же. Л. 50.

⁵² Там же. Л. 52.

⁵³ Там же. Л. 53.

⁵⁴ Там же. Д. 54 (Постановление о переименовании). Л. 16 об.

⁵⁵ Там же. Л. 17.

⁵⁶ Там же. Д. 12 (Журнал заседаний Отделения истории музыки). Л. 6 об.

его финансирование. Каникулярные курсы для преподавателей больше здесь не проводились, но связанное с ними направление работы продолжило реализовываться в новой форме — форме Художественно-педагогического общества, о создании которого было объявлено после завершения первых курсов.

Вероятно, первоначально Общество функционировало без всякой институциональной основы, по принципу комиссий, существовавших при Институте еще до революции, и в близком к ним составе. Но уже в 1919 г. был поднят вопрос о включении его в состав Института на правах особого Отдела, что должно было не только упорядочить работу, но и придать ей определенную финансовую стабильность. 10 июня 1919 г. в Институте состоялось заседание Комиссии по вопросу о введении в учебный план художественно-педагогических дисциплин. Председательствовал А. А. Брок, присутствовали Б. П. Брюллов, В. А. Головань, В. Б. Ечеистова, А. А. Починков, О. М. Рындина. Большинством против одного голоса собравшиеся признали необходимым введение при Институте группы «отдельных предметов и практических занятий для изучения вопросов эстетического образования и воспитания для лиц, желающих посвятить себя педагогической деятельности»⁵⁷.

1 июля 1919 г. правление Института приняло решение предложить его совету составить комиссию по организации Художественно-педагогического отдела из числа членов совета Института и совета Художественно-педагогического общества⁵⁸. 22 августа 1919 г. в Отдел научных учреждений и высших учебных заведений были отправлены схема организации с начала 1919–1920 учебного года соответствующего Отдела, объяснительная записка к нему и проект сметы⁵⁹. Схема предполагала структуру Отдела, состоящую из четырех доцентур: а) вводный курс (сущность и цель художественного воспитания, история эстетического воспитания и образования, средства художественного воспитания и образования, с практическими занятиями, три годовых часа в неделю); б) дидактика художественного воспитания на младшей ступени школы (с практическими занятиями, два годовых часа в неделю); в) то же на старшей ступени школы (три годовых часа в неделю); г) методика ведения экскурсий (два годовых часа в неделю). Чтение курсов планировалось начать с 1 января 1920 г. В записке подчеркивалось, что в работе Отдела «центр тяжести падает

⁵⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 35 (Протоколы заседаний совета, 1919). Л. 45.

⁵⁸ Там же. Д. 37 (Журналы заседаний правления). Л. 10.

⁵⁹ Там же. Д. 42 (Переписка с Главнаукой об организации Художественно-педагогического отдела). Л. 1.

не на лекции, а на практические занятия», а к обучению допускаются только лица, «уже получившие достаточную художественно-историческую подготовку»⁶⁰. Таким образом, и здесь планировалось создание модели обучения, которую вполне можно было бы назвать практикоориентированной.

Аргументация в пользу создания нового Отдела была тесно связана с актуальными проблемами современности. В объяснительной записке к схеме отмечалось, что художественное воспитание и образование — одна из насущных задач новой школы, но кадров для преподавания соответствующих дисциплин в стране нет. Наркомпросом в учебный план Единой трудовой школы был введен курс истории искусства, но отсутствие квалифицированных педагогов «послужило препятствием во многих школах к правильной постановке предмета». Нет высшего учебного заведения, которое бы готовило такие кадры. Институт, дополнив свой план «специальными методологическими предметами», может взять на себя эти функции⁶¹. 23 августа от Отдела научных учреждений и высших учебных заведений пришло сообщение об утверждении создания в Институте предложенного отделения, «с тем, чтобы расходы по организации и содержанию его были отнесены на остатки по смете за вторую половину 1919 года»⁶².

В июле – августе 1919 г. работа Общества проходила в формате обсуждения отдельных докладов: были заслушаны доклады А. А. Брока «Сущность и средства художественного воспитания», Л. Г. Оршанского «Искусство в первые годы жизни ребенка», А. А. Починкова «Цель и методы художественного образования на старшей ступени школы», Н. Д. Флиттнер «Из практики ведения экскурсий», О. Ф. Вальдгауера «Метод ознакомления с памятниками искусства на старшей ступени школы». Вход на них был свободным, заседания проводились по субботам⁶³. После получения согласия вышестоящих инстанций начались и работы по комплектованию преподавательского состава нового Отдела: 19 августа просьба подтвердить согласие на баллотирование на должности преподавателей была разослана ряду сотрудников Общества. Определены были и преподаваемые дисциплины. В итоге, 4 сентября преподавателями Института по новому Отделу были избраны: В. И. Бейер для чтения вводного курса и курса «Дидактика на младшей ступени школы», Л. Г. Оршанский — «Педагогическая эстетика в до-

⁶⁰ Там же. Д. 42 (Переписка с Главнаукой об организации Художественно-педагогического отдела). Л. 2.

⁶¹ Там же. Л. 3.

⁶² Там же. Л. 7.

⁶³ Там же. Л. 5–6; Д. 35 (Протоколы заседаний совета, 1919). Л. 57.

школьном возрасте», А. А. Починков — «Дидактика на старшей ступени школы», Б. П. Брюллов и Н. Д. Флиттнер — «Методика ведения экскурсий»⁶⁴.

Новый Отдел обладал спецификой, отличавшей его от прочих отделений Института, эту специфику необходимо было учитывать уже при определении правил приема. Поэтому неслучайно, что 20 октября 1919 г. А. А. Брок от лица комиссии преподавателей Отдела просил совет Института для того, чтобы к обучению здесь «доступ был открыт по возможности широким кругам педагогов единой школы <...> и имея в виду, что знание истории искусства не является безусловно необходимым» для прослушивания лекций и участия в семинарах, правила приема сформулировать так: к слушанию курсов допускаются все преподаватели первой и второй ступеней единой трудовой школы, в качестве студентов принимаются все лица старше 16 лет, успешно сдавшие коллоквиум по истории искусства. Решение вопроса о допущении слушателей к практическим занятиям «предоставляется соответственным преподавателям»⁶⁵.

Место преподавателей нового Отдела в структуре Института определилось отнюдь не сразу. Но 15 июля 1920 г. на заседание совета факультета Истории изобразительных искусств первым же вопросом было решено, что преподаватели Отдела входят в состав именно этого факультета⁶⁶. Сотрудники пытались привлечь к его работе внимание более широких кругов общественности и государственных структур. Например, 25 октября 1920 г. на заседании совета Института Б. П. Брюллов просил оповестить районные Отделы народного образования о том, что в Институте есть Художественно-педагогический отдел⁶⁷. Однако это привело к прямо противоположным результатам.

Осенью 1921 г. Академический Центр потребовал сократить наличный состав Института на 40 %, в итоге с 1 ноября был сокращен Оршанский⁶⁸. Коснулись эти меры и других сотрудников Отдела. Работа его начала постепенно затухать, что было связано не только с внешним давлением. Как отмечали в 1922 г. авторы краткого очерка истории Института, «Общество это, проработавшее до 1921 г., затем фактически прекратило свою деятельность, так как занимавшим его вопросам

⁶⁴ Там же. Д. 43 (Учебные планы и программы курса лекций, 1919–1922). Л. 54, 55, 55а, 56, 69, 70.

⁶⁵ Там же. Д. 42. Л. 8–8 об.

⁶⁶ Там же. Д. 65 (Материалы о деятельности факультета Истории изобразительных искусств, 1920–1923). Л. 1.

⁶⁷ Там же. Д. 35 (Протоколы заседаний совета, 1919). Л. 90.

⁶⁸ Там же. Д. 90 (Журналы президиума, 1921). Л. 15.

посвятил себя в значительной мере вновь образованный Экскурсионный Институт»⁶⁹. И действительно, многие из активных членов институтских Общества и Отдела стали преподавателями этого нового учреждения.

Педагогическая тематика, однако, не исчезла из планов Института. 27 июня 1924 г. президиум признал желательным по предложению В. П. Зубова «учреждение при Институте подготовительной школы или техникума с тем, чтобы молодые люди, окончившие это учебное заведение, поступали для дальнейшего своего образования на Государственные курсы при Институте»⁷⁰. А 9 июля 1924 г. на заседании президиума был заслушан доклад директора о его личных переговорах в Ленинградпрофобре. По его словам, выяснилось, что эта организация признает желательным образование в помещении бывшего Реформатского училища с осени 1924 г. особого техникума в составе 1-го, 2-го и 3-го классов как подготовительного учреждения для поступления на Государственные курсы при Институте. Для разработки плана преподавания там создана была специальная комиссия в составе Брока (многолетнего директора того самого Реформатского училища), Вальдгауера, Кожина и Починкова⁷¹.

Впрочем, и это начинание не было реализовано. Более того, этот план можно считать своеобразной лебединой песней основателя Института, так как уже в конце 1924 г. он сложил с себя обязанности директора, а в начале 1925 г. покинул СССР, уехав в эмиграцию. Последняя попытка обращения к педагогической тематике связана была с деятельностью его преемника, нового директора Института искусствоведа Ф. И. Шмита. В его работах рубежа 1910–1920-х гг. важное место занимала проблематика популярной тогда педологии, в которой ученый видел один из возможных ключей к постижению общих законов развития искусства и его психологии⁷². Неслучайно поэтому, развивая свою украинскую деятельность в этом направлении (создание в Харькове и Киеве выставок и научно-исследовательских музеев дет-

⁶⁹ Краткий отчет о деятельности Российского Института Истории Искусств. С. 192. О создании в 1920–1921 гг. и деятельности вплоть до закрытия в 1924 г. Петроградского экскурсионного института см.: *Сизинцева Л. И.* Краеведение и экскурсионное дело в Петроградском экскурсионном институте (1920-е гг.) // Пятые всероссийские краеведческие чтения (Москва – Владимир, 27–28 мая 2011). М. : Изд. центр «Краеведение», 2012. С. 78–82.

⁷⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 147 (Журнал заседаний президиума, 1924). Л. 71.

⁷¹ Там же. Л. 75.

⁷² См., например: *Шмит Ф. И.* Почему и зачем дети рисуют : педологический и педагогический очерк. М. : ГИЗ, 1924. 197 с.

ского рисунка)⁷³, Шмит и в Институте решил продолжить изыскания в этой области.

Под давлением внешних обстоятельств в Институте был создан Комитет социологического изучения искусства (Соцком), призванный стать общеинститутской структурой, координирующей деятельность всех Отделений⁷⁴. В рамках этого комитета планировалось организовать ряд секций. И одной из них как раз должна была стать педологическая секция. Вопросы, входившие в круг ее интересов, определялись следующим образом: 1) нормальный путь развития образного ассоциативного эмоционального мышления у детей и приобретения тех моторных навыков, которые необходимы для художественных проявлений; 2) зависимость художественных достижений детей от пола, происхождения (национальность, класс) и среды; 3) отклонения от нормы, обусловленные особенностями физического развития, унаследованными и приобретенными болезнями и пороками; 4) пределы и методы максимально полезного педагогического (воспитательного и учебного) воздействия на детей. Особое внимание в работе секции планировалось уделить выработке методов исследования детей (психотехника, разработка анкет, тестов). Планировалось создание архива подлинных документов для изучения детского художественного творчества, для чего должны были быть установлены связи с соответствующими учреждениями (особенно — сельскими). По четвертому пункту программы необходимыми признавались связи с экскурсионными работниками, деятелями детского театра и Музейной секцией того же Соцкома⁷⁵. Насколько можно судить по сохранившимся документам, и этот проект остался лишь на бумаге. Большая часть времени директорства Шмита (вторая половина 1920-х гг.) приходится на период все более усиливающегося давления на Институт набирающей обороты машины тоталитарного государства. В итоге это давление приведет к уничтожению как самого этого уникального учреждения, так и его директора и ряда сотрудников. В начале 1930-х гг. Институт был разгромлен, а многие причастные к его работе лица репрессированы.

⁷³ Юхневич М. Ю. Образовательный музей (педагогический, школьный, детский). М. : НП «СТОиК», 2007. С. 75–77.

⁷⁴ См.: Кумпан К. А.: 1) К истории возникновения Соцкома в Институте истории искусств : (Еще раз о Жирмунском и формалистах) // На рубеже двух столетий : Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М. : НЛЮ, 2009. С. 345–360 ; 2) Институт истории искусств на рубеже 1920–1930-х годов // Конеч институтий культуры двадцатых годов в Ленинграде : По архивным материалам. М. : НЛЮ, 2014. С. 8–128.

⁷⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 3. Д. 8 (Краткий исторический очерк развития института). Л. 40.

Как видим, проблематика, связанная с эстетическим воспитанием, постоянно присутствовала в планах и проектах Института. Характерным для него был полиморфизм форм ее разработки, активное обращение к адаптационным механизмам, позволяющим продолжать развитие выбранной темы в данных конкретных условиях посредством отбора наиболее адекватных в заданных условиях форм: комиссий, курсов, обществ, профильного отдела, техникума. На содержательном уровне также осуществлялась проверка избранной темы актуальными концепциями: организацией эстетической среды обучения, активным внедрением внешкольных форм работы, педологическими разработками. В тяжелых условиях первых послереволюционных лет Институт выступал в роли центра поддержки (как минимум интеллектуальной) для ряда восходящих еще к дореволюционной практике начинаний, а когда создавались специализированные структуры для их реализации (например, Экскурсионный институт), передавал им не только накопленный опыт, но и, пользуясь терминологией второй половины 1920-х гг., спасенный «кадр лиц», необходимых для профессиональной разработки вопросов.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена направлению деятельности Института истории искусств, связанному с развитием в России эстетического образования. Автор анализирует архивные материалы, связанные с работой Института в первой трети XX в. Проблема эстетического образования рассматривается в общем контексте интеллектуальной жизни России этого периода.

SUMMARY

The article is devoted to the activity of the Institute for the History of Arts, related to the development of aesthetic education in Russia. The activities of the Institute began with the lectures. December 3, 1912, Petersburg school district delivered the certificate No. 36527 on the opening of the courses of count V. P. Zubov. The Institute was defined as 'a special private high school for students of both sexes'. Its purpose was 'to promote the study of art, both Russian and foreign, and to promote scientific communication in this field'. From the moment of its foundation, the Institute became the centre of not only studies in art history but also aesthetic education per se, which development was considered at the turn of 19th–20th centuries as one of the most important areas of humanitarian activity. In the summer of 1916 a special Commission on the problems of aesthetic education in secondary school was organized here. In March 1917, in the premises of the Institute the meeting of artists and scientists was held on the organization of the Ministry of the arts. According to the results a commission was made to motivate the resolution adopted at the

meeting and to develop issues related to the organization of independent Department or Ministry of fine arts. One of the commissions created after this meeting was dedicated to art and history education. Eminent art critics and art historians, museum curators D. V. Aynalov, A. V. Golovan', V. P. Zubov, N. P. Kondakov, V. N. Rakint, D. A. Schmidt became its members. In 1918 the Institute embodied the project of conducting courses for teachers. The courses took place and were recognized quite successful. After these courses was announced on the establishment of Art and Educational Society. Initially the Society operated without any institutional framework, on the principle of commissions as they existed at the Institute before the revolution, and with the same members. But in 1919 a question was raised about the inclusion of the Society into the structure of the Institute as the special department. July 1, 1919, the board of the Institute decided to offer to the Council of the Institute to make a Commission on the organization of the Artistic-pedagogical Department from the members of the Council of the Institute and the Council of Pedagogical Society. This Society, worked until 1921, then actually stopped the activity as a newly formed Institute of excursions devoted itself to these questions. Issues related to aesthetic education, were present in the plans and projects of the Institute. The diversity of forms of its development, the active usage of the adaptation mechanisms that gave the opportunity to develop the selected themes in these particular conditions by selection of the most adequate in the given conditions forms: commissions, courses, societies, Department, College were typical for it. On the content level the check of the chosen topic with relevant concepts: the aesthetic organization of the learning environment, by the introduction of extracurricular forms of work, pedagogical developments was organized.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Институт истории искусств, В. П. Зубов, Ф. И. Шмит, эстетическое образование.

KEYWORDS

Institute for the History of Arts, V. P. Zubov, F. I. Shmit, art education.

БИБЛИОГРАФИЯ

Кумпан К. А. Институт истории искусств на рубеже 1920–1930-х годов // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде : По архивным материалам. М. : НЛЮ, 2014. С. 8–128.

Кумпан К. А. К истории возникновения Соцкома в Институте истории искусств : (Еще раз о Жирмунском и формалистах) // На рубеже двух столетий : Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М. : НЛЮ, 2009. С. 345–360.

Сизинцева Л. И. Краеведение и экскурсионное дело в Петроградском экскурсионном институте (1920-е гг.) // Пятые всероссийские краеведческие чтения

(Москва – Владимир, 27–28 мая 2011). М. : Изд. центр «Краеведение», 2012. С. 78–82.

Сыченкова Л. А. Первые эксперименты в сфере искусствоведческого образования : Незаполненный пробел в истории науки об искусстве // Учен. зап. Казанского ун-та. Серия : Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, кн. 3. С. 223–231.

Юхневич М. Ю. Образовательный музей (педагогический, школьный, детский). М. : НП «СТОиК», 2007.

Fishman S. Alfred Lichtwark and the Founding of the German Art Education Movement // History of Education Quarterly. 1966. Vol. 6, nr 4. P. 3–17.

REFERENCES

Kumpan K. A. Institut istorii iskusstv na rubezhe 1920–1930-kh godov // Konecz institucij kul'tury dvadczatykh godov v Leningrade : Po arkhivnym materialam. Moskva : NLO, 2014. S. 8–128.

Kumpan K. A. K istorii voznikoveniya Soczkoma v Institute istorii iskusstv : (Eshhe raz o Zhirmunskom i formalistakh) // Na rubezhe dvukh stoletij : Sbornik v chest' 60-letiya Aleksandra Vasil'evicha Lavrova. Moskva : NLO, 2009. S. 345–360.

Sizinceva L. I. Kraevedenie i ekskursionnoe delo v Petrogradskom ekskursionnom institute (1920-e gg.) // Pyatye vserossijskie kraevedcheskie chteniya (Moskva – Vladimir, 27–28 maya 2011). Moskva : Izd. centr «Kraevedenie», 2012. S. 78–82.

Sychenkova L. A. Pervye eksperimenty v sfere iskusstvovedcheskogo obrazovaniya : Nezapolnennyy probel v istorii nauki ob iskusstve // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya : Gumanitarnye nauki. 2014. Т. 156, кн. 3. S. 223–231.

Yuhnevich M. Yu. Obrazovatel'nyj muzej (pedagogicheskij, shkol'nyj, detskij). Moskva : NP «СТОиК», 2007.

Fishman S. Alfred Lichtwark and the Founding of the German Art Education Movement // History of Education Quarterly. 1966. Vol. 6, nr 4. P. 3–17.